ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

УДК 911.3:911.9

DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-28-43

«СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕС: ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Себенцов А. Б., Колосов В. А.

Институт географии РАН

119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Оценка целей, задач и перспектив проекта «Северное измерение» с использованием методов пространственного анализа дискурса, под которым понимаются различные общественно принятые способы интерпретации и репрезентации действительности, направленные на формирование специфического геополитического видения мира.

Процедура и методы. Информационной основой для дискурс-анализа стала база данных «Интергум». На первом этапе для контент-анализа были отобраны два федеральных издания – «Независимая газета» и «Российская газета». На втором и третьем этапах использовались количественные методы, позволившие получить информацию об особенностях развития дискурса во времени и пространстве.

Результаты. Авторами показано, что несмотря на декларируемую деполитизированность, проект сохраняет высокую степень зависимости от уровня и характера отношений между Россией и ЕС. По мере их охлаждения менялось понимание целей проекта, а также формы его пространственной репрезентации. На первом этапе проект воспринимается как «альтернативный канал связи» с ЕС, а приграничные регионы и ряд сопредельных стран в качестве «проводников для России» на пути в Европу. На втором этапе программа рассматривается в качестве одного из проектов трансграничного сотрудничества, а соседние страны (за исключением Финляндии) воспринимаются скорее как препятствие для диалога с ЕС. Показано, что кризис проекта имеет дискурсивную природу, при этом сама программа в среднесрочной перспективе может стать одной из опор для восстановления политических отношений России с Евросоюзом.

Теоретическая и практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в системе высшего образования для подготовки студентов-географов и специалистов в области международных отношений.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, проект «Северное измерение», политика соседства, трансграничное сотрудничество, общественное пространство

‘NORTHERN DIMENSION’ OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE EU: EXPERIENCE OF SPATIAL DISCOURSE ANALYSIS

A. Sebentsov, V. Kolosov

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences

29/4 Staromonetnyi per., 119017 Moscow, Russian Federation

Abstract.

Aim. An assessment is made of the goals, objectives and prospects of the Northern Dimension project (“ND”) using the methods of spatial discourse analysis

Methodology. The database “Integrum” is the information source for the discourse analysis. At the first stage, articles from two federal newspapers – “Nezavisimaya Gazeta” (“Independent Newspaper”) and Rossiyskaya Gazeta (“Russian Newspaper”) – were selected for the content-analysis. At the second and the third stages, quantitative methods were used to obtain information about the development of the discourse in time and space.

Result. It is shown that despite the declared depoliticization of the format, “ND” remains highly dependent on the level and nature of relations between Russia and the EU. Due to the gradually freezing cooperation, understanding of the goals and objectives of the program, as well as the form of spatial representation of the format and the level of involvement in the discourse of individual territories within Russia and abroad, dramatically changed. At the first stage, the “ND” is perceived as “an alternative channel of communication” with the EU. Border regions and a few neighboring countries are represented as “guides for Russia” on the way to Europe. At the second stage, the program is considered as one of the projects of cross-border cooperation, and neighboring countries (except Finland) are perceived as an obstacle to the dialogue with the EU.

It is shown that the crisis of the “ND” has a discursive nature. However, the program itself may become one of the pillars for restoring Russia’s political relations with the European Union in the medium term.

Research implications. The research results can be used in the higher education system to train geographers and specialists in the field of international relations.

Keywords: EU–Russia relations, northern dimension, European neighborhood policy, transborder cooperation, four common spaces.

Постановка проблемы

В ряду международных ориентиров России отношения с Европейским союзом всегда были одним из приоритетов внешнеполитического курса. Объективная потребность друг в друге с самого начала 1990-х гг. была движущей силой взаимодействия, однако взаимоотношения России и ЕС испытывали периодические подъёмы и спады [4; 5]. Большая часть кризисов в двусторонних отношениях была связана с конкретными событиями, ход которых не устраивал обе стороны [26]. Последним таким событием, ставшим настоящим испытанием для всей системы международных отноше-

ний, стал кризис вокруг Украины и Крыма. Последовавшие за этим санкции и контрсанкции, а также российский «разворот на Восток» стали свидетельством полномасштабной «заморозки» отношений с Евросоюзом. Одним из немногих направлений взаимодействий, которое менее всего пострадало от политической турбулентности, стало трансграничное сотрудничество. Проекты в этой области неоднократно приводились российскими властями в качестве примера «деполитизированного сотрудничества», построенного на основе «общих интересов» и направленного на решения общих проблем.

Особое место в сотрудничестве между Россией и ЕС занимает «Северное измерение» («СИ»), которое имеет сложную институциональную природу, являясь одновременно элементом и транснационального, и трансграничного сотрудничества. «СИ», хотя и было подвержено неблагоприятному влиянию геополитической конъюнктуры, но всё-таки проявляло удивительную устойчивость ко всем многочисленным кризисам отношений между Россией и ЕС. В научном дискурсе её успехи, в том числе и в самые сложные кризисные периоды, рассматривались в качестве успешной модели, которую можно было бы перенести на весь комплекс отношений между Россией и Евросоюзом. Неудачи в сотрудничестве также не раз признавались типичными, т.е. детерминированными общим форматом взаимодействия с ЕС, со всеми присущими ему недостатками. Некоторые исследователи видят сегодня в «СИ» формат, который мог бы способствовать перезапуску отношений между Россией и странами Евросоюза.

Задачей данной работы стала попытка взглянуть на проект с позиций теории конструирования общественного пространства. Данная теория, ставшая популярной в последние десятилетия [31; 33; 34], в отличие от неоклассического направления рассматривает геополитику как дискурс, синтезирующий информацию о международных делах или политической ситуации в привязке к территории. Возникающая в результате этого мифологизированная карта политического пространства часто становится причиной острых противоречий между отдельными странами, а также территориями внутри одной страны. Поэтому нами были сформулированы следующие исследовательские вопросы. Что представлял собой проект «СИ», и как он репрезентировался в медиадискурсе? Каковы были направления эволюции пространственной структуры дискурса? Какова роль формируемых дискурсом

представлений о «СИ» в судьбе и перспективах самого проекта?

Обзор ранее проведённых исследований

В отличие от отношений между Россией и ЕС, которые всегда были предметом тщательного анализа со стороны специалистов международных, «СИ» интересовало лишь небольшой круг исследователей, которых привлекала инновационность этого формата сотрудничества [1; 28; 30]. В большинстве же случаев «СИ» рассматривалось либо в ряду многочисленных форматов трансграничного сотрудничества в Северной Европе [12; 16; 17; 18; 19] либо в общем контексте отношений между Россией и ЕС [2; 23; 24; 30; 32]. Инструментарий критической геополитики лишь единожды использовался для исследования «СИ» в контексте процессов регионализации на Севере Европы [15], хотя до этого не раз применялся для анализа всего комплекса отношений между Россией и ЕС в целом [14; 20; 21].

С учётом опыта анализа территориальной структуры дискурса, накопленного в работах последних десятилетий, посвященных отдельным регионам и городам России [13; 22], странам [7; 8] а также отдельным участкам приграничья [9], была разработана методика данного исследования.

Информационной основой для дискурс-анализа стала база данных информационного агентства «Интегрум», которая содержит наиболее полные электронные архивы российских СМИ. К анализу привлекались печатные СМИ, которые, по сравнению со скриптами новостных выпусков телеканалов, покрывают большее число лет и характеризуются большей полнотой. На первом этапе для глубокого контент-анализа нами были отобраны два общественно-политические издания, представляющие мнения различных групп российского общества. «Независимая газета» («НГ») – позиция-

нирующая себя в качестве «газеты независимых мнений», объективно и полно освещающей общественно-политические и экономические темы. «Российская газета» («РГ») – является официальным печатным органом российского Правительства, публикующая, помимо обычных для общественно-политических изданий статей, также тексты официальных документов и комментарии к ним.

На втором этапе для количественных исследований использовался сервис базы «Интегрум» – «Сравнительная упоминаемость». Расчёт упоминаемости проводился для всего перечня федеральных СМИ (201 издание), «НГ», а также для 19 региональных СМИ Северо-Запада в целом. Система автоматически устанавливала процентное отношение количества документов, в которых встречался исследуемый объект к общему количеству документов, которыми располагал «Интегрум» в каждой временной точке. При подсчётах документы учитывались только один раз, вне зависимости от числа упоминаний в них искомым слов.

На третьем этапе отобранные статьи «НГ» и «РГ» были подвергнуты дополнительному анализу: учитывалось число упоминаний отдельных стран, контекст и тональность этих упоминаний. Собранные данные позволили подготовить картосхемы, характеризующие эволюцию федерального дискурса о «СИ».

Результаты исследования

«СИ» как формат многоуровневого сотрудничества был впервые предложен в 1997 г. премьер-министром Финляндии П. Липпонен. Он должен был стать «неотъемлемой частью отношений ЕС с Россией и другими странами региона» [28]. В июне 2000 г. Европейский Совет принял первый «План действий для Северного измерения во внешней и трансграничной политике Европейского союза на 2001–2003 гг.», который включал в себя развитие инфраструктуры, образования и науки, здравоохранения,

приграничного сотрудничества и торговли, а также вопросы охраны окружающей среды, ядерной безопасности и борьбы с трансграничной преступностью. Однако план в итоге так и остался на бумаге: сторонам не удалось согласовать список конкретных проектов сотрудничества [27; 28]. Другой системной проблемой был не устраивавший Россию формат взаимодействий с ЕС, в соответствии с которым Россия представляла объектом политики ЕС и была ограничена в праве формировать общую повестку дня [10; 11; 30]. Практически единственным существенным достижением этого периода стало создание в 2001 г. Природоохранного партнёрства Северного измерения (ПОПСИ) – наиболее известного из существующих сегодня институтов программы.

Во Втором Плане действий (2003 г.), казалось, были учтены ошибки прежнего подхода. В каждой из пяти областей сотрудничества были представлены конкретные инвестиционные проекты и выделены две особые территории сотрудничества (Арктика и Калининградская область). Тем не менее Россия отказалась от участия в реализации этого плана, поскольку при его разработке вообще не учитывались замечания российской стороны [25; 32]. Было создано ещё одно Партнёрство в области здравоохранения и социального благополучия.

В 2006 г., когда кризис программы был уже очевиден, на саммите Россия-ЕС в г. Хельсинки были подписаны Рамочный документ и Политическая декларация о политике «СИ», благодаря которым программа стала рассматриваться как региональное воплощение «четырёх общих пространств» ЕС, России, Норвегии и Исландии на Севере Европы. Конкретными механизмами управления программой стали «министерские встречи», встречи «старших должностных лиц» и встречи руководящей группы стран-участниц.

Активное институциональное строительство и использование передового

европейского опыта в сфере многоуровневого управления не привело к прорыву в сотрудничестве в рамках «СИ» [6; 16]. В первую очередь выяснилось, что программа не обеспечена конкретными механизмами финансирования и отбора проектов [3]. При реализации проектов приходилось использовать заёмные средства со стороны Европейского банка реконструкции и развития, Северного инвестиционного банка, Северной экологической финансовой корпорации. Другой проблемой стало дублирование других региональных форматов сотрудничества, в частности Совета государств Балтийского моря (СГБМ), Совета Баренцева Евроарктического региона (СБЕР), Арктического совета (АС), Совета министров Северных стран (СМСС). В региональном контексте «СИ» всё больше напоминало «зонтик» [25].

Конфликт в Грузии (2008 г.) надолго заморозил контакты в руководящих органах «СИ» и стал настоящим испытанием для данного формата. Однако участникам удалось сохранить сотрудничество в рамках уже упомянутых Партнёрств. В 2009 г. создаётся новое Партнёрство в области транспорта и логистики, в 2010 г. – в области культуры. Однако наиболее активная проектная деятельность велась в сфере охраны окружающей среды. По линии ПОПСИ России удалось получить большое число инвестиционных проектов, которые позволили коренным образом изменить экологическую ситуацию в водосборных бассейнах Баренцева и Балтийского морей.

«СИ» в зеркале медиадискурса. Изменение числа упоминаний о «СИ» в федеральной прессе в целом коррелирует с основными этапами развития проекта, которые маркируются наиболее значимыми дискурсивными событиями – своего рода фрагментами дискурса, объединёнными общей темой, участниками и направлением развития дискуссии (см. рис. 1). На первом этапе (с 1997 до 2005 гг. включительно), когда «СИ» пред-

ставляло собой политику ЕС на Севере Европы, можно выделить три таких события – запуск проекта (в 1997 г.), принятие первого (2000 г.) и второго (2003 г.) планов действий. На этот период пришёлся пик интереса к «СИ». Второй этап (с 2005 г. по настоящее время) связан с запуском обновлённого «СИ», ставшего общей программой России, ЕС, Норвегии и Исландии для Севера Европы, а его единственным дискурсивным событием стало подписание Рамочного документа и Политической декларации (в 2006 г.). В этот период наибольшая сравнительная упоминаемость не превышала 0,02%, а в целом интерес к проекту постепенно снижался, отражая процесс деактуализации самой программы.

Дискурсивные события и связанные с ними многочисленные «внешние» по отношению к самой программе контексты, в которых она обсуждалась, создают две основные сюжетные линии интерпретации и репрезентации «СИ». Главная сюжетная линия основывается на наиболее широкой трактовке целей и задач программы, которая первоначально представляется как проект полномасштабного сотрудничества между Россией и ЕС. В её рамках «СИ» видится одновременно и в контексте отношений России и ЕС, и как «инновационная альтернатива» им. В рамках другой сюжетной линии «СИ» рассматривается как более частный, трансграничный формат сотрудничества, позволяющий решать различные вопросы субрегионального уровня на Севере Европы и в сопредельных ей регионах Северо-Запада России. В синтезе этих сюжетных линий происходит пространственная репрезентация «СИ»: в дискуссию вовлекаются соседние страны, более удалённые государства, а также отдельные регионы самой России; реанимируются старые и создаются новые географические образы, служащие для интерпретации основных идей программы, объяснения её успехов и неудач.

Ист.: [15]

Рис. 1 / Fig. 1. Относительная упоминаемость политики «СИ» в федеральной и региональной печатной прессе, в % от общего объёма статей за год / Relative mention of the ND policy in the federal and regional print media, in % of the total articles for the year

Первый период развития дискурса характеризуется доминированием главной сюжетной линии в медиадискурсе. При этом цели проекта, в первой половине 2000-х гг. являвшегося политикой ЕС на Севере Европы, воспринимаются чрезвычайно «россиецентрично»: «СИ» направлено на «развитие экономических отношений с Россией прежде всего в области инфраструктуры, энергетики, экологии»¹. Несомненными достоинствами нового формата видятся его ориентированность на результат, наполненность конкретным содержанием и проектный подход. Всё это позволяло рассматривать «СИ» в качестве альтернативы сложившейся практики сотрудничества, чрезвычайно зависимой от геополитической конъюнктуры. Кроме того, новый формат позволял не ставить подготовку конкретных проектов сотрудничества в зависимость от обсуждения вопроса о соответствии России «европейским стандартам» демократии. Укрепление экономических основ интеграции с Европейским союзом позволяло надеяться на появление

у «СИ» и «политической составляющей»².

Территориальная ограниченность программы Севером Европы и российским Северо-Западом не вступала в противоречие с её рассмотрением в качестве канала широкоформатного диалога с ЕС. Наоборот, подчёркивается историческая роль Северо-Запада России, который вновь должен выполнить функцию своего рода «окна в Европу»³. в условиях, когда отношения с «ближайшими соседями в Восточной Европе – Украиной, Польшей и прибалтийскими государствами – складываются весьма противоречиво»⁴.

Среди одиннадцати регионов Северо-Запада в контексте «СИ» наиболее часто упоминаются Республика Карелия и Калининградская область (свыше 70% упоминаний). Характерно, что такая вовлечённость в дискурс практически не связана с активной проектной деятельностью в их пределах. Обоим регионам приписывается особая геополитическая

² Ветры перемен на Севере Европы // Независимая газета. 2001. № 05.

³ Партнёрство с Финляндией открывает нам еще одно «окно в Европу» // Независимая газета. 2001. № 86.

⁴ Ветры перемен на Севере Европы // Независимая газета. 2001. № 05.

¹ Десять лет не прошли даром // Независимая газета. 2003. № 195.

роль. Первый регион рассматривается как «калитка в Европу» и важная для Финляндии территория, второй – как потенциальная «лаборатория сотрудничества» между Россией и ЕС.

На Санкт-Петербург приходится не более 15% всех упоминаний, хотя именно в этом регионе реализовывались наиболее масштабные по своим результатам и объёмам финансирования проекты ПОПСИ¹. Однако даже в этом случае город упоминается не как проектная площадка, а как окно, «через которое Россия смотрит в Европу» или даже в качестве «российской столицы Северного измерения» (см. рис. 2).

Отсутствие связи между упоминаемостью и реальной проектной активностью ещё раз подтверждает, что «СИ» воспринималось не как программа трансграничного сотрудничества, а как крупный геополитический и геоэкономический проект, своего рода «новый Ганзейский союз», который должен сыграть «роль инструмента развития всего Северо-Запада»². Однако роль «окна в Европу» примеряется не только к российским регионам, но и к соседним странам Северной Европы, которые также доминируют в территориальной структуре дискурса о «СИ» (40% упоминаний зарубежных территорий). Преимущественно позитивная оценка их деятельности в рамках проекта определяется, во-первых, высоким уровнем жизни и особой моделью социально-экономической организации общества, которая во многом рассматривалась в качестве желаемого для России будущего. Во-вторых, эти страны подаются как потенциальный источник для общественных, экономических и технических инноваций³. В-третьих, Север-

ная Европа рассматривается в качестве потенциального помощника в развитии Северо-Западного и Арктического регионов России⁴, потребителя их продукции, в том числе и ресурсов. Наиболее заметную роль в дискурсе играет Финляндия – непосредственный инициатор проекта, главный проводник для России «на пути в Европу». «Надёжность» этого проводника объясняется позитивным опытом деполитизированных контактов в советское время и ролью «эксперта по России», которую Финляндия могла бы играть в ЕС.

Однако с самого начала проекта позитивные оценки проекта соседствуют с резко критическими. Скрытая и явная поддержка сепаратизма в Чечне, бомбардировки Югославии, игнорирование экономических интересов России в странах ЕС не способствовали большому доверию к декларируемым целям и задачам «СИ».

В первых же статьях наиболее серьёзные опасения вызывает возможность полной или частичной утраты российского суверенитета над отдельными территориями Северо-Запада, которые в результате реализации программы будут всё больше ориентироваться на соседние страны ЕС. Наиболее мягкий сценарий предполагает ослабление связей регионов с федеральным центром, что в дальней перспективе ставит под угрозу территориальную целостность страны⁵. В рамках более жёсткого сценария видится возможным выдвижение прямых территориальных претензий к России или же активизация сепаратизма в отдельных регионах Северо-Запада. Так, «карельский вопрос» становится центральной темой первой же статьи, посвящённой «СИ» в «НГ»⁶. Предполагается, что на первых порах «СИ» будет способствовать созданию «в приграничной полосе некой достаточ-

¹ В 2002 г. при участии ПОПСИ началась реализация двух крупнейших инвестиционных проектов – строительство Комплекса защитных сооружений Санкт-Петербурга от наводнений и Юго-Западных очистных сооружений.

² Страны Балтии нуждаются в России // Независимая газета. 2003. № 157.

³ Партнерство с Финляндией открывает нам еще

одно «окно в Европу» // Независимая газета. 2001. № 86.

⁴ Опыт Севера // Независимая газета. 2001. № 44.

⁵ Из Абердина видно лучше // Независимая газета. 1999. № 4.

⁶ Приладожье – земля раздора // Независимая газета. 1998. № 19.

Ист.: составлено автором

Рис. 2 / Fig. 2. Пространственная структура дискурса о «СИ» в период с 1997 по 2006 г. / Spatial structure of the ND discourse from 1997 to 2006

но благополучной буферной зоны», которая в перспективе может получить статус «самоуправляемой территории» по типу Аландских островов». В таком контексте даже совместный с Финляндией проект по созданию Земельного кадастра Республики Карелия предстаёт «своеобразной инвентаризацией всех земельных ресурсов республики» и подаётся как подготовка к её возможной аннексии¹. Характерно, что в случае Калининграда программа «СИ» также впервые упоминается в свете возможных угроз территориальной целостности страны².

Другим направлением критики становится отсутствие конкретных результатов программы, что первоначально объясняется несовпадением интересов ключевых участников проекта. Затем круг этих участников предельно конкретизируется: уже к 2001 г. главной причиной всех бед видятся страны Прибалтики и Польша, на которые приходится около трети всех упоминаний зарубежных территорий в дискурсе. Наибольшее напряжение традиционно вызывают тема прав русскоязычного меньшинства в Прибалтике, приграничные споры (с Латвией и Эстонией), вопрос калининградского транзита (с Литвой), вступление всей этой группы стран в НАТО.

К началу 2002 г. в преддверии принятия Второго плана действий причины неудач «Северного измерения» видятся уже не в частных вопросах технического характера, а в фундаментальных основах отношений между Россией и ЕС. Влияние общего уровня российско-европейских отношений на «СИ» становится настолько существенным, что сводит на нет практически все преимущества данной программы.

Второй период развития дискурса характеризуется усилением сюжетной

линии, в рамках которой «СИ» предстаёт в качестве одного из элементов субрегионального сотрудничества на Севере Европы, и прежде всего в Баренцевом регионе и регионе Балтийского моря. Эта тенденция наиболее заметна в официальной «РГ», где почти половина статей этого периода посвящена более частным проблемам: техническим вопросам организации общей деятельности и процессов финансирования в рамках Партнёрств, истории реализации наиболее успешных проектов³. Наблюдается регионализация дискурса: большое количество статей посвящено строительству очистных сооружений в отдельных городах бассейна Балтийского моря (Санкт-Петербурге, Калининграде и Пскове)⁴; реализации «атомных проектов» в бассейне Баренцева моря. В результате упоминаемость отдельных регионов России всё в большей степени приходит в соответствие с реальной проектной активностью ключевых Партнёрств «СИ» (см. рис. 3). Новая репрезентация программы как субрегиональной объясняет общее снижение числа статей, полностью или частично посвящённых «СИ» (см. рис. 1).

В «НГ» обновлённое «СИ» также рассматривается как несомненный успех для всех сотрудничающих сторон, однако отмечаются туманные перспективы этого проекта. Превращение в региональную проекцию четырёх общих пространств придало «СИ» новый статус, но не сформировало для него стратегическую перспективу и конкретную повестку дня. Отсутствие стратегического видения будущих взаимоотношений, неопределённость конечных целей «дорожных карт» по формированию общих пространств

³ Тепло приходит с Севера // Российская газета. 2011. № 123; Дружба на бескрайнем Севере // Российская газета. 2011. № 280; Свежий ветер с Балтики // Российская газета. 2013. № 75; Балтийские эмоции // Российская газета. 2013. № 122.

⁴ См., например: Грант в воду // Российская газета. 2008. № 158; Шаг из замкнутого круга // Российская газета. 2014. № 74; До нас наследили – нам прибить // Российская газета. 2015. № 246.

¹ По шкале Северного измерения // Независимая газета. 1999. № 77.

² См. например: Калининград интегрируют в ЕС // Независимая газета. 2001. № 29; Евронакат на Калининград // Независимая газета. 2001. № 12.

Ист.: составлено автором

Рис. 3 / Fig. 3. Пространственная структура дискурса о «СИ» в период с 2006 по 2018 гг. / Spatial structure of the ND discourse from 2006 to 2018

делает их в контексте «СИ» своего рода инвентарным списком возможных направлений сотрудничества¹.

Другим важным вопросом становится роль «ценностного фактора» в отношениях между Россией и ЕС. Диалог вокруг «общих ценностей» – одна из основных тем диалога между Москвой и Брюсселем, в отличие от двустороннего диалога между Россией и отдельными странами ЕС. Большинство авторов признаёт, что Россия действительно давала Евросоюзу много поводов для разочарования, выпав из «ценностного поля ЕС» и «посуверенному» трактуя права и свободы граждан, а также принципы демократии, законности и верховенства права (подробный анализ этой проблемы см. например [21]).

«СИ» – один из немногих форматов сотрудничества, где дискуссия о ценностях почти не поднималась, однако это не значит, что данная политика не находилась под влиянием этой дискуссии. В результате, ни статус «СИ», ни равноправность участия нём России не позволяли обсуждать в рамках этого формата любые значимые вопросы в обход этого «проклятого вопроса»². Тем не менее газета в целом солидаризируется с официальным дискурсом в части инструментального использования Евросоюзом и его отдельными членами «ценностного фактора» в диалоге с Россией, полагая, что для преодоления стратегической пустоты в сотрудничестве обеим сторонам нужны отношения, свободные от лицемерия прошлого «стратегического партнёрства».

Под действием «дискуссии о ценностях» негативные коннотации в дискурсе затрагивают гораздо более широкий круг стран, чем в предыдущем периоде. Наиболее заметная «смена ролей» наблюдается среди стран Северной Европы. Шве-

ция (вместе с Литвой) рассматривается прежде всего в качестве страны, инициирующей враждебный для России проект «Восточное партнёрство»³. К тому же именно эта страна особенно часто поднимает вопрос о соответствии России «европейским ценностям». Общий негатив преобладает и в отношении Норвегии, которая из «оплота северных ценностей» превращается в «страну НАТО» и оплот США в Арктике⁴.

Определённую трансформацию претерпевает и роль Финляндии. Сохранив преимущественно положительные коннотации, она из инициатора проекта превращается в страну, которая старается сохранить прагматичное сотрудничество с Россией даже в условиях геополитических катаклизмов. Политика Финляндии в дискурсе очень часто выдвигается в качестве примера для других стран Севера Европы, но особенно для государств Прибалтики и Польши. Именно Финляндия, сумевшая преодолеть негативный исторический опыт контактов с СССР, способна донести до всех Европейских стран идею выгоды деполитизированного сотрудничества с Россией⁵.

Выводы исследования

Многомерность дискурса и его формирующий характер при принятии политических решений отмечался во многих классических работах по критической геополитике. Анализ дискурса позволяет приблизиться к пониманию того, как воспринимался тот или иной объект, но также и к пониманию того, каким он мог бы стать в других обстоятельствах. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении дискурса о «СИ», в котором отражена сложная функциональная и институциональная природа программы.

¹ Без стратегического видения // Независимая газета. 2006. № 270.

² Россию пытаются удержать в «ценностном» поле // Независимая газета. 2008. № 77.

³ См., например: Меню шведского стола // Независимая газета. 2009. № 129; Шведский сезон в ЕС. 2009. № 132.

⁴ См. например: Северный раздор // Независимая газета. 2011. № 215.

⁵ См. например: Лес, верфи и технопарки // Российская газета. 2009. № 99.

Его анализ позволят нам сделать следующие основные выводы.

Во-первых, «СИ» предстаёт как часть сложного комплекса отношений между Россией и ЕС. Именно поэтому дискурсы о «СИ» и отношениях с ЕС имеют много общего: это и их эволюция от романтизма к прагматизму, от идеи полной интеграции к секторальному сотрудничеству, от мотивов европеизации к суверенизации и «развороту на Восток». Эти тенденции находят отражение в пространственной структуре дискурса: при неизменном уровне вовлечённости отдельных стран ЕС во внутрироссийские дебаты о программе постоянно меняется приписываемая этим государствам роль в судьбе данного проекта. Наблюдается постепенный рост числа стран, роль которых в развитии программы оценивается как негативная. Если первоначально к этой категории стран относятся только государства Прибалтики и Польша, отношения с которыми традиционное развивались сложно, то после 2006 г. негативные коннотации распространились также на страны Старой (Великобритания и Дания) и Северной Европы (Швеция и Норвегия).

Во-вторых, «СИ» весь период своего существования представляется в качестве «альтернативного канала связи» с ЕС, использование которого должно было привести к прорыву в отношениях и создать необходимую основу для полномасштабного сотрудничества. Такое восприятие «СИ» приводило одновременно и к «завышенным ожиданиям» от проекта, и к разочарованию в отношении его сравнительно скромных результатов. Несоответствие между ожиданиями, формируемыми дискурсом, и результатами сотрудничества можно считать одной из причин имеющегося представления о том, что проект находится в состоянии кризиса. Представление об «альтернативном канале связи» в первой половине 2000-х гг. находит и своё конкретное географическое выражение. Так, «СИ»

становится идейной основой для реанимации широко известного образа «окна в Европу» для Санкт-Петербурга, создания ранее не существовавших образов «калитки в Европу» для Республики Карелия и «лаборатории сотрудничества с ЕС» для Калининградской области. По мере развития кризиса в отношениях с ЕС все эти географические образы исчезают, а упоминаемость регионов в большей мере соответствует реальной проектной деятельности в рамках Партнёрств «СИ». Среди соседних стран в первой половине 2000-х гг. роль «проводника в Европу» примеряется к Финляндии – главному идейному вдохновителю «СИ». Однако после 2008 г. это государство всё чаще рассматривается как пример страны, сумевшей преодолеть негативный исторический опыт с СССР и сумевшей выстроить взаимовыгодное деполитизированное сотрудничество с Россией.

В-третьих, отмечаемый многими исследователями кризис формата сам по себе имеет дискурсивную природу. Несмотря на многоуровневость и многоакторность программы, главным источником дискурса об «идейных основах» сотрудничества в «СИ» являются национальные и наднациональные институты. Именно они формулируют ключевые основы политики «СИ», задавая внешнеполитические ориентиры для всех других уровней сотрудничества. Кризис в отношениях между Россией и ЕС не только затруднил диалог по вопросу строительства четырёх общих пространств, но и заморозил сотрудничество в высших управляющих органах «СИ». В результате национальные и наднациональные акторы вместо координации и идейного руководства генерируют стратегическую неопределённость, превращая «СИ» в набор слабо связанных между собой институтов. В этих условиях периодические ссылки на политику «СИ» в рамках работы региональных советов становятся похожими на хорошо укоренившийся ритуал, значение которого давно забыто.

Сказанное, впрочем, не означает, что «СИ» не имеет будущего, однако его перспективы зависят от перспектив отношений между Россией и ЕС и создаваемых ими «четырёх общих пространств». Текущая же ценность «СИ» определяется тем, что оно вместе с другими региональными форматами сотрудничества создаёт своего рода «страховочную сеть». Эти инсти-

туты, с одной стороны, не дают упасть межгосударственным отношениям ниже критического уровня, а с другой, – являются площадкой для неформального диалога и позволяет наработать позитивный потенциал взаимодействия, который может стать опорой для восстановления политических отношений в будущем.

Статья поступила в редакцию 26.02.2020

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в Институте географии в рамках работы над ГЗ ИГ РАН (0148-2019-0008, AAAA-A19-119022190170-1). Сбор и обработка материалов проводились на средства проекта Kone Foundation «Northern Dimensions of European Union Actorness. The case of Finland and Russia»

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was performed at the Institute of Geography as part of the work on the State Assignment at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (0148-2019-0008, AAAA-A19-119022190170-1). The collection and processing of materials were carried out with funds from the Kone Foundation project “Northern Dimensions of European Union Actorness. The case of Finland and Russia”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров О. Б. «Северное измерение»: новая форма или новое содержание? // Космополис. 2008. № 2(21). С. 95–104.
2. Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. «Северное измерение» и стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 37–47.
3. Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы России // Балтийский регион. 2010. № 46. С. 115–126.
4. Борко Ю. А. Россия-Евросоюз: от стратегического партнёрства к холодному миру // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2013. № 30. С. 4–10.
5. Борко Ю. А. Россия-Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнёрство? // Современная Европа. 2014. № 2. С. 19–30.
6. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. «Северное измерение»: стратегии участников // Балтийский регион. 2009. С. 55–63.
7. Вендина О. И., Колосов В. А., Попов Ф. А., Себенцов А. Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 50–67.
8. Вендина О. И., Колосов В. А., Себенцов А. Б. Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства // Международные процессы. 2014. Т. 12, № 1-2 (36-37). С. 76–92.
9. Галкина Т. А., Попов Ф. А. Граница России с Абхазией и Южной Осетией в четырёх масштабах (анализ политического дискурса) // Известия Российской академии наук. Серия: географическая. 2016. № 4. С. 109–118.
10. Деркач М. А. Программа «Северное измерение» и интересы России // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 170–175.
11. Дерябин Ю. Северное измерение и интерес России // Современная Европа, 2000. № 2. С. 15–22.
12. Йонниemi П. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: чего мы достигли? // Балтийский регион. 2010. № 2. С. 48–66.
13. Колосов В. А., Себенцов А. Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 146–163.
14. Колосов В. А., Зотова М. В., Попов Ф. А., Гриценко А. А., Себенцов А. Б. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть I. Глядя на Запад // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 42–59.

15. Колосов В. А., Себенцов А. Б. Процессы регионализации на Севере Европы и программа «Северное измерение» в отражении российского политического дискурса // Балтийский регион. 2019. № 4. С. 76–92.
16. Кондратьева Н. Б. Россия-ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. 2014. № 4. С. 33–47.
17. Косов Ю. В., Грибанова Г. И. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: проблемы и перспективы международного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. № 2. С. 48–66.
18. Ланко Д. А. Становление региона «Северного измерения» как приоритета внешней политики центров силы в Балтийском регионе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. 2010. Вып. 4. С. 107–117.
19. Макарычев А. С. Идентичности Балтийских пространств: сетевое взаимодействие или конкуренция региональных проектов? // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США. Калининград: БФУ им. Канта, 2003. С. 142–154.
20. Макарычев А. С. Россия и Евросоюз: дискурсивные диссонансы // Космополис. 2007. № 2. С. 132–148.
21. Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 10. С. 23–33.
22. Окунев И. Ю. Столицы в зеркале критической геополитики. М.: Аспект Пресс, 2020. 272 с.
23. Разумнова Л., Балтенкова О. Расширение Европейского Союза: «Северное измерение» // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 12. С. 84–90.
24. Россия – Европейский союз: возможности партнерства / Под ред. И. С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. 96 с.
25. «Северное измерение»: роль и место России // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение: сборник материалов заседаний Экспертного совета комитета Совета Федерации по международным делам. М.: СФ РФ, 2006. С. 300–318.
26. Тренин Д. Практичный подход к отношениям ЕС и России, 2014 [Электронная публикация] // Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegie.ru/2014/01/23/ru-pub-54284> (дата обращения: 15.04.2020 г.).
27. Худолей К. К. Россия и «Северное измерение» Европейского союза // Формула России: центр и периферия. СПб.: Нестор, 2000. 175 с.
28. Шлямин В. А. Россия в «Северном измерении». Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2002, 188 с.
29. Энтин М. Л. «Северное измерение» в контексте отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом // Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества. М.: Русский Сувенир, 2007. С. 86–96.
30. Aalto P., Blakkisrud H., Smith H. ed. The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2008. 237 p.
31. Dalby S., O'i Tuathail G. Rethinking Geopolitics. L.: Routledge, 1998. 333 p.
32. Haukkala H. A Hole in the Wall?: Dimensionalism and the EU's «new neighbourhood policy». Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2003.
33. O'i Tuathail G. Critical Geopolitics. Minneapolis: University of Minnesota, 1996. 314 p.
34. O' Tuathail G. 2002. Theorizing Practical Geopolitical Reasoning: The Case of U.S. Bosnia Policy in 1992 // Political Geography. 2002. Vol. 21. № 5. P. 601–628.

REFERENCES

1. Alexandrov O. [“Northern dimension”: new form or new content?]. In: *Kosmopolis*, 2008, no. 2 (21), pp. 95–104.
2. Bolotnikova E., Mezhevich N. [The Northern dimension and the European Union strategy for the Baltic sea region]. In: *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], 2012, no. 13, pp. 37–47.
3. Bolotnikova E., Mezhevich N. [Northern dimension policy: current state and prospects of Russia]. In: *Baltiyskiy region* [Baltic Region], 2010, no. 46, pp. 115–126.
4. Borko Yu. [Russia – EU: from strategic partnership to a cold peace]. In: *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy* [European security: events, estimates, forecasts], 2013, no. 30, pp. 4–10.
5. Borko Yu. [Russia – EU: did the strategic partnership take place?]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2014, no. 2, pp. 19–30.

6. Busygina I., Filippov M. ["Northern dimension": strategies of participants]. In: *Baltiyskii region* [Baltic Region], 2009, pp. 55–63.
7. Vendina O., Kolosov V., Popov F., Sebentsov A. [Ukraine in political crisis: the image of Russia as a catalyst for contradictions]. In: *Polis. Political Studies*, 2014, т. 5, pp. 50–67.
8. Vendina O., Kolosov V., Sebentsov A. [If the Baltic states are part of the Post-Soviet space]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends], 2014, vol. 12, no. 1-2 (36-37), pp. 76–92.
9. Galkina T., Popov F. [Russia's border with Abkhazia and South Ossetia on four scales (analysis of political discourse)]. In: *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series: geographical], 2016, no 4, pp. 109–118.
10. Derkach M. [The Northern dimension program and Russia's interests]. In: *Polis. Political Studies*, 2002, no. 1, pp. 170–175.
11. Deryabin Yu. [Northern dimension and Russia's interest]. In: *Modern Europe* [Contemporary Europe], 2000, no. 2, pp. 15–22.
12. Ionnemi P. [EU strategy for the Baltic sea region: what have we achieved?]. In: *Baltiyskii region* [Baltic region], 2010, no. 2, pp. 48–66.
13. Kolosov V., Sebentsov A. [The North Caucasus in Russian geopolitical discourse]. In: *Polis. Political Studies*, 2014, no. 2, pp. 146–163.
14. Kolosov V., Zotova M., Popov F., Gritsenko A., Sebentsov A. [Post-Soviet border of Russia between East and West (analysis of political discourse). Part I. Looking West]. In: *Polis. Political Studies*, 2018, no. 3, pp. 42–59.
15. Kolosov V., Sebentsov A. [Regionalization processes in the North of Europe and the Northern dimension program in the reflection of Russian political discourse]. In: *Baltiyskii region* [Baltic region], 2019, no. 4, pp. 76–92.
16. Kondrat'eva N. [Russia – EU: cross-border cooperation outside the conjuncture]. In: *Contemporary Europe*, 2014, no. 4, pp. 33–47.
17. Kosov Yu., Gribanova G. [EU strategy for the Baltic sea region: challenges and prospects for international cooperation]. In: *Baltiyskii region* [Baltic region], 2016, no. 2, pp. 48–66.
18. Lanko D. [Formation of the "Northern dimension" region as a priority of the foreign policy of power centers in the Baltic region]. In: *Vestnik St. Petersburg Universiteta. Seriya 6* [Vestnik SPbGU. Ser.6], 2010, vol. 4, pp. 107–117.
19. Makarychev A. [Identities of the Baltic spaces: network interaction or competition of regional projects?]. In: *Identity in the context of globalization: Europe, Russia, USA* [Identichnost' v kontekste globalizatsii: Yevropa, Rossiya, SShA]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal Kant University, 2003, pp. 142–154.
20. Makarychev A. [Russia and the European Union: discursive dissonances]. In: *Kosmopolis*, 2007, no. 2, pp. 132–148.
21. Medvedev S. [Discourses of alienation: "sovereignty" and "Europeanization" in relations between Russia and the EU]. In: *World economy and international relations* [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya], 2008, no. 10, pp. 23–33.
22. Okunev I. *Stolitsy v zerkale kriticheskoi geopolitiki* [Capitals in the mirror of critical geopolitics], Moscow, Aspect Press Publ., 2020, 272 p.
23. Razumnova L., Baltenkova O. [European Union enlargement: «Northern dimension»]. In: *World economy and international relations* [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya], 2000, no. 12, pp. 84–90.
24. Ivanov I., eds. [Rossia – Evropeiskii soyuz: vozmozhnosti partnerstva [Russia – European Union: partnership and its potential]. Moscow, Spetskniga Publ., 2013, 96 p.
25. ["Northern dimension": the role and place of Russia] In: *Rossiia v novom veke: vneshnepoliticheskoe izmerenie. Sbornik materialov zasedanii Ekspertnogo soveta Komiteta Soveta Federatsii po mezhdunarodnym delam* [Russia in the new century: a foreign policy dimension. Collection of materials of meetings of the Expert Council of the Federation Council Committee on international Affairs], Moscow, Council of Federation, 2006, pp. 300–318.
26. Trenin D. *Praktichnyi podkhod k otnosheniyam ES i Rossii* [A practical approach to the relations between the EU and Russia]. In: *Moscow Center "Carnegie"*. Available at: <https://carnegie.ru/2014/01/23/ru-pub-54284> (accessed 11.05.2020).

27. Khudolei K. [Russia and the Northern dimension of the European Union]. In: *Formula Rossii: tsentr i periferiya* [Formula of Russia: center and periphery]. St-Petersburg, Nestor Publ., 2000, 175 p.
28. Shlyamin V. *Rossiya v «Severnom izmerenii»* [Russia in the «Northern dimension»], Petrozavodsk, PGU Publ., 2002, 188 p.
29. Entin M. [“Northern dimension” in the context of the relationship between Russia and the EU] In: *Rossiya i ob'yedinyayushchayasya Yevropa: perspektivy sotrudnichestva* [Russia and Uniting Europe: Prospects for Cooperation], Moscow, Russkii souvenir Publ., 2007, pp. 86–96.
30. Aalto P., Blakkisrud H., Smith H. eds. *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*, Brussels, Centre for European Policy Studies, 2008, 237 p.
31. Dalby S., O'i Tuathail G.. *Rethinking Geopolitics*, London, Routledge, 1998, 333 p.
32. Haukkala H. *A Hole in the Wall?: Dimensionalism and the EU's “new neighbourhood policy”*, Helsinki, Finnish Institute of International Affairs, 2003.
33. O'i Tuathail G. *Critical Geopolitics*, Minneapolis, University of Minnesota, 1996, 314 p.
34. O' Tuathail G. Theorizing Practical Geopolitical Reasoning: The Case of U.S. Bosnia Policy in 1992. In: *Political Geography*, 2002, vol. 21, no. 5, pp. 601–628.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Себенцов Александр Борисович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН;
e-mail: asebentsov@igras.ru

Колосов Владимир Александрович – доктор географических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института географии РАН;
e-mail: kolosov@igras.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandr B. Sebentsov – Candidate of Geographical Sciences, Senior Research Fellow of the Laboratory of Geopolitical Studies of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences;
e-mail: asebentsov@igras.ru

Vladimir A. Kolosov – Doctor of Geographical Sciences, Professor and Deputy Director of Research at the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences;
e-mail: kolosov@igras.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Себенцов А. Б., Колосов В. А. «Северное измерение» отношений России и ЕС: опыт пространственного анализа дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 28–43.
DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-28-43

FOR CITATION

Sebentsov A., Kolosov V. “Northern dimension” of relations between Russia and the EU: experience of spatial analysis of discourse. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Geographical environment and living systems.*, 2020, no. 2, pp. 28–43.
DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-28-43